

1. Запад, Восток и Россия: национально-культурная идентичность в историческом контексте

---

1. Национально-этнические идентификационные практики

О.И. Нуждин

Нуждин Олег Игоревич, доцент кафедры Древнего мира и Средних веков Уральского государственного университета (620083, Россия, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4); кандидат исторических наук, доцент.

АРМАНЬЯКИ, БУРГИНЬОНЫ И ЛЖЕ-ФРАНЦУЗЫ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV в.

Столетняя война, ставшая первым общеевропейским военным конфликтом, отразилась на многих сторонах жизни Европы того времени. Значительное влияние оказала она и на состояние политической жизни, способствуя формированию ее новых форм. Одной из них стало образование наций, политических обществ, сопровождавших появление централизованных государств. В результате гражданской войны и английского вторжения были заложены предпосылки для образования трех новых государств – Франко-Английского королевства, Бургундского королевства, герцогства Бургундии, а также трех новых наций. Но, в силу причин как объективного, так и субъективного свойства, история пошла по иному пути. Английская нация стала сугубо островной, французская постепенно распространилась на население всего Французского королевства, а бургундская к концу XV в. исчезла.

Ключевые слова: столетняя война, нация, Франция, Англия, централизация

Столетняя война, ставшая первым общеевропейским военным конфликтом, отразилась на многих сторонах жизни Европы того времени. Значительное влияние оказала она и на состояние политической жизни, способствуя формированию ее новых форм. Одной из них стало

образование наций, политических обществ, сопровождавших появление централизованных государств.

Как показывает исторический опыт, политическое единство предшествует единству национальному, но не является определяющим. Спецификой Средневековья было то, что человек в это время был существом клановым, локальным, связанным с определенным узким сообществом (1). Поэтому для осознания им своей принадлежности к такой широкой общности, какой является нация, требовалось значительное время и ряд дополнительных условий. К таковым условиям исследователи относят, как правило, единство вероисповедания и государственности, а также общую историю (2), наличие исторической мифологии (3) и воздействие официальной пропаганды (4). Несмотря на территориальную и культурную близость формирование английской и французской наций шло разными путями.

Исследователи нередко отмечают общие исторические корни этих народов. В основе их лежала англо-французская цивилизация, сложившаяся в XI – XII вв. на основе нормандского завоевания и Анжуйской монархии. Но единство было кратковременным. Уже в середине XIII в. в правление королей Генриха III и Людовика IX начался его распад (5). Итогом этого длительного и болезненного процесса стало разобщение Англии и Франции на два полностью самостоятельных государства.

Английское королевство в сравнении со своим континентальным соседом Францией, выступало уже в XIV в., несомненно, как сложившееся централизованное государство. Его знать была ограничена королевским суверенитетом и даже во время кризиса 20-х – начала 30-х гг. XV в. не имела права и возможности для проведения самостоятельной политики. Длительное существование политического единства отразилось на осознании людьми единства национального. Как отмечает Дж.П. Куттино, в литературных произведениях Англии появление термина «нация» фиксируется 1300 г., а в официальных – 1336 г. в форме «la nation d' Engleterre». Но, по мнению этого исследователя, для XIV и XV вв. еще нельзя говорить о складывании нации в полном смысле этого термина, так как отсутствовала общность происхождения. Последствия завоевания острова в 1066 г. герцогом Нормандии Вильгельмом еще не были окончательно изжиты (6): культурные различия между знатью и простонародьем сохранялись. И, если так можно выразиться, знать ощущала себя более «континентальной», чем «островной».

Как отмечает ряд авторов, этническое самосознание англичан начало складываться уже в правление короля Генриха III, когда началось размежевание английской и французской частей континентальных владений. Процесс продолжился в годы Столетней войны, особенно в правление короля Эдуарда III. В это время англичане в полной мере

ощутили себя победителями, что было веским основанием для противопоставления себя потерпевшим поражение французам (7). Одновременно в пропаганде шло умышленное противопоставление англичан французам как противников и непримиримых врагов.

На процесс формирования английской нации оказывало влияние сохранение континентальных владений. Население Гасконии проживало в достаточной степени обособленно, смешивания его с островными англичанами практически не происходило, культурная диффузия была минимальной. Гасконцы в полной мере сохранили свои традиции и язык, отличные как от Англии, так и от Франции. Эти особенности их характера были хорошо знакомы современникам. Так, хронист Ж. Фруассар характеризовал гасконцев как нацию очень непостоянную (8).

На чувства сепаратизма влияла историческая память гасконцев, которая сохраняла представления о временах Большой Аквитании, охватывавшей весь Юго-запад Франции и имевшей статус королевства. В достаточной степени самобытной, непохожей на английскую, оставалась и система управления. В правление Эдуарда III была сделана попытка ее реорганизации. Это герцогство было отдано во владение Черному принцу и превратилось фактически в независимое от Англии княжество (9). Такая политика привела к формированию еще большей обособленности этой области от остального королевства.

Завоевательная политика королей династии Ланкастеров Генриха IV и Генриха V еще более осложнила формирование нации. В 1420 г. с подписанием договора в Труа началось создание Франко-Английского королевства. Тем самым было положено начало слиянию англичан и французов в единую нацию. Но в этом новом политическом объединении Англии была отведена подсобная роль, и в исторической перспективе англичане как самостоятельная нация могли быть полностью поглощены французами.

Поэтому Парламент настаивал на четком размежевании политических прав и привилегий населения объединяемых государств. Свои требования он обосновывал Декларацией Эдуарда III, гарантировавшей суверенитет Англии (10). И Генрих V был вынужден дать соответствующее подтверждение. Его смерть положила начало кризису Франко-Английского государства и, соответственно, франко-английской нации. Ее существование закончилось в 1436 г., когда войска Карла VII заняли Париж. Поэтому оценка правления Генриха V довольно критическая. Так, К. Б. Мак Фарлейн назвал стремление короля захватить Францию «трагедией ... поскольку национальным устремлениям он дал неверные направления» (11). С этим высказыванием солидаризируются Э.Ф. Джекоб и Д. Сьюард (12).

Завершился процесс формирования английской нации, в основном, только во второй половине XV в, когда произошло окончательное размежевание владений английского и французского королей. Пределы Английского королевства сократились до границ острова, а гасконские земли были безвозвратно утрачены. Новым признаком национального единства можно считать превращение английского языка в язык политической, язык государственного делопроизводства и, с XV в, язык официального историописания (13). Таким образом, поражение Англии в войне с Францией способствовало формированию английской нации. Вот только оценка итога в глазах историков выглядит не всегда положительной. Так, Н. Соул заявил, что именно поражение в войне превратило англичан в «маленькую, националистическую, а также ксенофобную нацию» (14).

Процесс формирования французской нации до настоящего времени остается дискуссионным. Многие исследователи склонны видеть его начало в Империи Карла Великого и королевстве первых Капетингов. Так, например, Ж.Виллар и К. Виллар смогли разглядеть уже в IX в. «в зачаточном состоянии составные элементы нации» (15). Значительную роль отводят также и событиям Столетней войны, которая стимулировала складывание общезападного единства. На этом основании многие историки считают возможным говорить о складывании французской нации уже к концу XIV в.

Но это объединение еще не было окончательным. Франция оставалась страной с развитым партикуляризмом, для преодоления которого половины столетия было недостаточно. Не удивительно, что в первое время своего существования французская нация оставалась элементом очень неустойчивым. Поэтому политические потрясения конца XIV – начала XV вв. вызвали ее кризис.

В силу своей болезни король Франции Карл VI перестал быть связующим звеном как в политической жизни королевства, так и в жизни своего семейного клана. Он не смог выступить в качестве регулятора отношений и проводника правосудия в событиях 1407 г., связанных с убийством своего брата Людовика Орлеанского. Власть короля перестала быть защитницей даже в семейном кругу. Поэтому недовольные родственники, вассалы и подданные стали создавать собственные объединения. Именно на них и были возложены функции защиты их интересов. Такие группировки в хрониках своего времени получили название «партии».

Начало их образованию было положено конференцией противников герцога Бургундии Жана Бесстрашного, которая состоялась в Жьене в апреле 1410 г. Здесь собрались представители высшей знати Французского королевства для выработки общей политической линии по от-

ношению к Бургундскому дому. Уже 15 апреля был заключен формальный союз, который можно считать датой создания партии т. н. орлеанистов. Этот термин закрепился за противниками герцога Бургундии на долгое время (16), его синонимом можно считать слово «арманьяки», полученным по имени одного из лидеров движения – графа Жана д'Арманьяка (17).

Как отмечал в своей «Хронике» А. Монстреле, с этого времени началась война «герцога Орлеанского, его братьев, союзников и добрых горожан, с одной стороны, против герцога Бургундского и его родни» (18). Аналогичную оценку дала этим событиям и «Хроника монаха из Сен-Дени». Ее автор назвал конфликт «гражданской войной, войной, почти домашней, между принцами, объединенными кровными узами и принадлежащими к дому Франции» (19). Противостояние этих группировок составило основное содержание междоусобиц во Франции в первой трети XV в.

Для нашего исследования важно определить, являлись ли термины «бургиноны» или «арманьяки» этнонимами или политонимами. Иными словами, по какому основанию произошло разделение Франции – по этническому или политическому. Этот вопрос отнюдь не является праздным, поскольку затрагивает такой аспект развития страны, как формирование национального и политического самосознания.

Описывая начальный этап войны, «Хроника монаха из Сен-Дени» указывает на состав противоборствующих группировок. Так, в армии герцога Жана Беррийского присутствовали аквитанцы, гасконцы, бретонцы, нормандцы и орлеанцы. Им противостояли войска Жана Бесстрашного, в состав которых входили французы и отряды, «набранные среди враждебных Франции народов – брабантцев, лотарингцев, немцев и фламандцев» (20). Такое деление даст нам представление о составе Французского королевства и, одновременно, и характере его распада. На раннем этапе войны достаточно отчетливо прослеживается противостояние Юго-запада Северо-востоку.

Для обозначения новых общностей сравнительно быстро были выработаны термины, соответственно, орлеанисты и бургиноны. По своему написанию слово «орлеанисты» («les Orléanois» или «les Orléanais») имеет сходство с обозначением выходцев из тех или иных областей – ретельцев («les Rhételois»), лаонцев («les Laonnois»), жителей Артуа («les Artois») или Франции («les Français»). Но в отличие от них слово «орлеанисты» не имело этнического или регионального значения, оно применялось по отношению ко всем сторонникам «parti d'Orléans», вне зависимости от места их проживания. Так обозначали «герцога Орлеанского, его союзников и подданных» (21). Это обстоятельство давало повод современникам рассматривать конфликт как войну между двумя

частями королевства Франции (22). На основании вышесказанного есть все основания предполагать в терминах «орлеанисты» и «бургиньоны» политонимы.

Происхождение термина «арманьяки» источники объясняют следующим образом. Так, хронист Лефевр де Сен-Реми указывал, что это «собрание орлеанистов, герцогов Бурбонского, Алансонского, Жана, сына герцога Барского и многих других различных языков и областей, которые с этого момента стало называться арманьяками из-за того, что они носили белую перевязь, которая, как известно, была эмблемой графа Арманьяка» (23). Аналогичным образом отмечал возникновение этого термина в 1411 г. А. Монстреле. Он указывал, что «с этого дня и в дальнейшем их стали называть в народе и жители Парижа общим названием арманьяки ... Они носили на своих доспехах и одежде перевязи...» (24). На такую же отличительную черту указывал в своем «Дневнике» и парижский горожанин: «из них каждый носил перевязь, и он являлся представителем герцога Беррийского и поддерживал эту банду» (25). Таким образом, можно сделать вывод, что появление нового политонима было связано с использованием его приверженцами особой геральдической символики.

Аналогичным образом поступили и сторонники Жана Бесстрашного, их отличительным знаком стал крест Святого Андрия. В Париже ношение его в период бургундской гегемонии было обязательным как для взрослых, так и для детей (26). Это деление весьма симптоматично, поскольку в соответствии с менталитетом того времени оно отражало не просто политические пристрастия, но и признание сюзеренитета. Это хорошо видно на примере Парижа, часть горожан которого носила одежду с Андреевским крестом на груди и спине, а часть – королевские лилии (27).

В полном соответствии с этими традициями поступил дофин Карл, когда с 1420 г. стал формировать собственное государство на Юге Франции. Для его существования было необходимо осознание населением некоего единства, внешним отображением которого служила геральдическая атрибутика. Уже в 1418 г. дофин повелел сшить штандарт с изображением Св. Михаила, побеждающего дракона. Вполне очевидно, что под этим драконом подразумевалась Англия, а архангел Михаил выступал в качестве небесного защитника Франции. Этот штандарт должен был служить заменителем орифламмы, которая хранилась в Сен-Дени и была в то время во владении англичан. Штандарт просуществовал сравнительно долгое время – вплоть до 1450 г., и вступление короля Карла VII в Париж и Руан состоялась под его сенью (28).

Подтверждением мысли о том, что термины «арманьяки» и «бургиньоны» являлись политонимами, может служить отношение к этим

группировкам автора «Дневника парижского горожанина». Когда в 1422-1423 гг. произошло формальное обособление от Франко-Английского государства нового политического образования – Буржского королевства, по отношению к людям, признавшим власть Карла VII, «Дневник» использует термин «арманьяки». При этом он противопоставляет им «французов», как обозначение сторонников законного, по его мнению, короля – Генриха VI. Существование этих понятий хронологически точно соответствовало времени существования раскола Французского королевства на две части.

Но, когда в 1436 г. со взятием войсками Карла VII Парижа, состоялось восстановление единства Франции, произошло исчезновение термина «арманьяки». Так, если в начале 1436 г. в описаниях «Дневника парижского горожанина» все еще присутствовало разделение на французов и арманьяков (29), то во время вступления армии Карла VII в столицу сторонники последнего уже фигурировали как французы (30). На этом основании можно заключить, что «арманьяков» и «бургиньонов» следует воспринимать не просто как обозначение «партийной» принадлежности, как это зачастую и делается в историографии, а, скорее, как наименование людей, принадлежавших к определенным политическим, а с 1422 г. к государственным, образованиям.

Аналогичное значение имел и термин «французы». Этим словом обозначали, в первую очередь, население северной части Французского королевства между Бургундией и Нормандией, а также тех, кто признавал, и на кого распространялась власть короля Франции. Следовательно, в контексте Столетней войны «французы» выступали в качестве собирательного термина для противопоставления их врагам англичанам. Поэтому, когда в мае 1420 г. был заключен договор в Труа и официальным наследником короля Карла VI был признан Генрих V, изменилось и обозначение той части населения, которая признала этот акт. Наиболее точно и полно это было выражено в формуле «и те, кто были французами, стали англичанами» (31).

Аналогичным образом оценивал сторонников англичан из Северной части Франции автор «Дневника осады Орлеана». В самом начале своего повествования, давая перечисление сеньоров в осаждающей армии, он назвал союзников Джона Бедфорда выражением «лиже-французы» («faulx François») (32). Истинными французами считались те, кто признал власть Буржского короля, который отнюдь не случайно в официальной переписке именовал себя титулом короля Франции. И в дальнейшем, вплоть до 1436 г., хронисты описывали военные действия как противостояние англичан и французов.

На этом же основании произошло отделение бургиньонов, как сторонников герцога Бургундии, которые воспринимались «не-

французами». Действительно, население герцогства, которое с 20-х гг. XV в. стало претендовать на независимость, было весьма пестрым по своему составу. В его пределах отсутствовало какое бы то ни было единство. Входявшие в его состав области не имели прочных экономических или культурных связей между собой. В политическом отношении они находились в зависимости или от Французского королевства или от Германской империи. Не было у них и общей истории.

Поэтому главной задачей герцогов Бургундии, особенно Филиппа Доброго и его преемника Карла Смелого, был поиск форм и путей для объединения разрозненного конгломерата феодальных владений в нечто целое. Одним из способов стало использование термина «бургиноны» в качестве противопоставления противникам герцога – арманьякам. Символом возникновения единства стало целенаправленное формирование собственного бургундского летописания и введение должности официального историографа. Первым из них стал Жорж Шателен, получивший в 1455 г. верительные грамоты на составление хроники герцогов Бургундских (33).

Одновременно происходило создание собственной истории. Это осуществлялось и в рамках официального летописания, и в рамках памфлетной литературы.

Но перечисленных мер было недостаточно, по темпам роста национального самосознания Бургундия значительно отставала от своих соседей. Поэтому в качестве дополнительного связующего звена было избрано создание особого рыцарского ордена. Он был призван объединить вокруг фигуры герцога Бургундии наиболее активную часть населения – дворянство, которое через вассальные и семейные связи способствовало бы сплочению государства. Новый орден, образованный в 1430 г. Филиппом Добрым, получил название «Орден Золотого Руна». Примечательно, что ряд видных бургундских хронистов, таких как Жорж Шателен, Оливье де Ла Марш, также были членами этого Ордена.

Орден Золотого Руна, как и многие другие аналогичные объединения того времени, рассматривался его создателями и членами как форма духовного единства («une religion») и, одновременно, как политический союз (34). Членство обязывало к верности своему государю. Задачей Золотого Руна было обеспечение превосходства над всеми остальными существовавшими орденами. Герцоги Бургундии не жалели средств для достижения этой цели и преуспели в этом. Но, несмотря на все усилия, добиться подлинного единства в столь короткие исторические сроки им не удалось, и в 1477 г. Бургундское государство распалось.

Период 20-х – первой половины 30-х гг. стал временем борьбы двух основных тенденций – дезинтеграции и интеграции в пределах бывшего Французского королевства. В результате гражданской войны и английского вторжения были заложены предпосылки для образования трех новых государств – Франко-Английского королевства, Буржского королевства, герцогства Бургундии, а также трех новых наций. Но, в силу причин как объективного, так и субъективного свойства, история пошла по иному пути. Английская нация стала сугубо островной, французская постепенно распространилась на население всего Французского королевства, а бургундская к концу XV в. исчезла.

Но и на этом процесс не завершился окончательно. Поэтому в качестве некоторого итога можно привести мнение Р. Маккенни. Он считает, применительно к Европе XVI в., что и в этом столетии нации и национальное самосознание еще не были окончательно сформированными, и «большинство людей жило в своем сугубо локальном мире, что не позволяло мыслить категориями “нации” (35). Чувство родины, тем не менее, уже существовало, но «определялось не территорией, а конкретной формой религии» (36).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Tout T. F. *France and England. Their Relations in the Middle Ages and War*. Westport, 1974. P. 9.
2. Ehlers J. *Kontinuität und Tradition als Grundlage mittelalterlicher Nationsbildung in Frankreich // Beiträge zur Bildung der französischen Nation im Früh- und Hochmittelalter*. Sigmarinen, 1983. S. 15; cct.
3. Beune C. *Naissance de la nation France*. P., 1985. P. 340.
4. Gauvard C. *Le France du Moyen Age du V-e ou XV-e siècle*. P., 1996. P. 471.
5. Tout T. F. *Op. cit.* P. 135.
6. *Ibidem*; Gauvard C. *Op. cit.* P. 471.
7. Бёрн А. *Битва при Кресси*. М., 2003. С. 6.
8. Froissart J. *Oeuvres / publ. Par K. Lettenhove*. Т. 9. Osnabrück. 1967. P. 226, 228-229.
9. *Histoire des Institutions françaises au Moyen Age / Publ. sous la direction de F. Lot et R. Fawtier*. Т. 1: *Institutions seigneuriales*. P., 1957. P. 167.
10. Декларация Эдуарда III о том, что королевство Английское не будет подчинено королевству Французскому (23 марта 1340 года) // *Хроники и документы времен Столетней войны*. СПб., 2005. С. 310.
11. McFarlan K. B. *England: the Lancastrian Kings. 1399-1461 // Cambridge Medieval History*. Vol. 8. Cambridge, 1936. P. 384-385.

12. Jacob E. F. Henry V and the Invasion of France. L.. 1947, P. 202; Сьюард Д. Генрих V. Смоленск, 1996. С. 371.
13. Бахитов С. Б. Королевская власть и общество в средневековой Англии XI-XV вв. по материалам современной историографии. Комсомольск-на-Амуре, 2001. С. 49-50.
14. Saul N. Henry V and the Dual Monarchy // History Today. Vol. 36. May 1986. P. 42.
15. Виллар Ж., Виллар К. Формирование французской нации. М., 1957. С. 26.
16. Cronique du religieux de Saint-Denys, contenant le règne de Charles VI, de 1380 à 1422 / Publ. par M. L. Bellaguet. T. 4. P., 1852. P. 501.
17. Durrieu P. Acte original de la ligue de Gien (1410). P., 1895. P. 5.
18. Monstrelet A. de. Chronique. 1400-1444 / Par L. Douët d' Arcq. T. 2. P., 1857. P. 165.
19. Cronique du religieux de Saint-Denys... P. 327.
20. Ibidem.
21. Monstrelet E. de. Chroniques. P. 164.
22. Ibid. T. 2. P. 162.
23. Lefevre J., dit Toison-d'Or, seigneur de Saint-Remy. Mémoires // Choix de chroniques et mémoires sur l' histoire de France / Par J. A. C. Buchon. P., 1838. P. 329.
24. Monstrelet E. de. Chroniques. P. 181.
25. Leben in Paris im Hundertjährigen Krieg. Ein Tagebuch. Frankfurt am Main; Leipzig, 1992. S. 11, 13.
26. Ibid. S. 12-13, 17.
27. Ibid. S. 12, 17.
28. Beaune C. Op. cit. P. 194.
29. Leben in Paris im Hundertjährigen Krieg. S. 261, 684.
30. Ibid. S. 265, 693.
31. Цатурова С. К. Офицеры власти. М., 2002. С. 138.
32. Procès de condamnation et de rehabilitation de Jeanne d' Arc, dite la Pucelle / Éd. J. E. J. Quicherat. T. 4. NY.; L.. 1965. P. 97.
33. Barner G. Jacques Du Clercq und seine Memoires. Ein Sittengemälde des 15. Jahrhunderts. Düsseldorf, 1989. S. 32.
34. Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988. С. 92.
35. Макенни Р. XVI век. Европа: Экспансия и конфликт. М., 2004. С. 96.
36. Там же.

O. I. Nuzhdin

Oleg I. Nuzhdin, associate professor of the Chair of Ancient and Medieval History of epy Ural State University (620083, Russia, Ekaterinburg, Turgeneva Street, 4); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 350 75 38. Электронная почта/E-mail: o_nuzhdin@mail.ru

**ARMANYAKI, BURGINONY AND LZHE-FRANTSUZY:
FEATURES OF FORMATION OF THE NATION
IN the FRENCH KINGDOM of the FIRST THIRD of the XV century.**

The centenary war which has become the first all-European military conflict, was reflected in many aspects of life of Europe of that time. It had considerable impact and on a condition of political life, promoting formation of its new forms. Formation of the nations, the political societies accompanying emergence of the centralized states became one of them. As a result of civil war and English invasion prerequisites for formation of three new states – the French-English kingdom, the Burzhsky kingdom, the Duchy of Burgundy, and also three new nations were put. But, owing to the reasons both objective, and subjective property, the history went on other way. The English nation became especially island, French gradually extended on the population of all French kingdom, and Burgundian by the end of the XV century disappeared.

Key words: centenary war, nation, France, England, centralization

О.С. Поршнева

Профессор кафедры истории России Института фундаментального образования Уральского федерального университета, доктор исторических наук, профессор.

**ИДЕЯ ВОЙНЫ В ПРАКТИКАХ МОБИЛИЗАЦИЙ
НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ**